

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*Дронго нахмурился.
И неожиданно для
самого себя спросил:
– Тогда скажи:
зачем? Зачем ты
убил Ахмета
Эльгарова и Феликса
Гордицкого,
а заодно и его
водителя? Что они
тебе сделали?
– Это самый главный
вопрос, – ответил
убийца. – Найдешь
на него ответ –
узнаешь все.*

Затянувшееся
послесловие

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Затянувшееся послесловие

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

Затянувшееся послесловие / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Дронго)

Почти четверть века назад в горах Афганистана отделение сержанта Горчилина выдержало жестокий бой против превосходящих сил душманов. Не все выжили в той мясорубке, а уцелевшие старались вспоминать об этих событиях как можно реже. Но прошлое само напомнило о себе... Уже в наши дни кто-то методично и безжалостно начал убивать бывших солдат, участвовавших в той схватке. За что? Кому и зачем это нужно? Даже эксперт-аналитик Дронго не может найти ответы на эти вопросы; пока он лишь пытается опередить убийцу и спасти уцелевших бойцов. Но изобретательный и умелый киллер не намерен отступать, всякий раз на один шаг опережая знаменитого эксперта...

© Абдуллаев Ч. А., 2011

© PEN-клуб, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Затянувшееся послесловие

Причудливым образом распределяются земные блага среди разных людей. Нищему – ничего, бедному – мало, богатому – много, некоторым очень много, но довольных почти не бывает. Так устроен этот мир.

Али Эфенди

Мы – жалкие марионетки во власти беспощадной судьбы... подчиняясь неумолимым законам природы, мы обречены участвовать в непрекращающейся борьбе за существование а впереди – неизбежное поражение, и больше ничего.

Сомерсет Моэм

Я помалкиваю об этом, но мне хотелось бы заставить себя сказать вслух: да, я вам завидую, завидую Джонни, тому потустороннему Джонни, без которого никто не узнал бы, что такое та, другая сторона. Я завидую всему, кроме его терзаний, которые все равно никто никогда не поймет, но даже среди терзаний у него бывают озарения, которые мне не даны. Я завидую Джонни, и в то же время меня разбирает зло, что он губит себя, нерасчетливо расходует свой талант, глубоко впитывает в себя грязь, неизбежно окружающую его.

Хулио Кортасар «Преследователь»

Глава 1

Ему казалось, что в последние годы ураганы в Москве становятся обычным явлением. Сталкивающиеся атлантические и средиземноморские циклоны вызвали обильные дожди, грады, ветры небывалой силы, которые ломали деревья и переворачивали машины. Возможно, раньше он просто не обращал внимания на эти катаклизмы природы, а с годами стал более чувствителен к подобным метаморфозам. Или раньше в Центральной России вообще не было таких катаклизмов. Во всяком случае, столь часто повторяющихся ураганов не помнили даже старожилы.

Он сидел перед компьютером, просматривая последние новости в Интернете. Это уже превратилось в привычку, как чтение ежедневных утренних газет, которое было правилом еще двадцать или тридцать лет назад. Он прилетел в Москву два дня назад. В Италию ему позвонил его давний друг и напарник – Эдгар Вейдеманис, который сообщил о том, что его разыскивает некто Горчилин. Вейдеманису этого человека рекомендовал один из бывших сотрудников Первого главного управления КГБ СССР, который работал вместе с Эдгаром еще в советские годы. Горчилин уже несколько дней настойчиво искал Дронго, чтобы срочно переговорить с ним по очень важному делу.

«Странно, что эта кличка так прочно приклеилась к моему имени», – подумал он. Много лет назад он получил ее по имени небольшой птицы, обитавшей в Юго-Восточной Азии. Птица мастерски умела имитировать голоса других птиц и смело нападала даже на хищников, не позволяя им приближаться к своему гнезду. Ему понравились и эта птичка, и ее смелый характер. И вот уже много лет его по привычке называли по имени этой птицы, зачастую даже не зная его настоящих имени и фамилии.

Он поднялся, прошел на кухню, чтобы включить чайник. Скоро должны были приехать Вейдеманис и этот неизвестный Горчилин, который так настойчиво искал встречи с экспер-

том. Дронго было уже далеко за сорок. Несмотря на возраст, он продолжал держать неплохую форму, стараясь, не теряя привычной осанки, не набирать лишнего веса. При росте в сто восемьдесят семь сантиметров он весил девяносто семь килограммов и был подтянутым и стройным мужчиной, даже с учетом его мощных габаритов. Такие «шкафы» обычно выступали в роли телохранителей или охранников – огромная сила вкупе с полным отсутствием самостоятельного мышления. Но в его облике сразу бросались в глаза выпуклый большой лоб, внимательные, умные, наблюдательные глаза, тонкие, упрямо сжатые губы.

Вернувшись к компьютеру, Дронго начал поиск компании Горчилина, президентом которой тот был. Компания называлась «Пятое измерение» и занималась поставками технического оборудования, необходимого для эксплуатации насосных станций и гидроэлектрических агрегатов. Оборот компании за прошлый год составил несколько десятков миллионов долларов. Горчилин был еще довольно молод. Ему шел только сорок первый год, и он был одним из тех, кто сумел создать свою компанию практически с нуля и выйти на солидные обороты уже в первом десятилетии нового века.

За это время он успел дважды жениться и дважды развестись. От первого брака у него была дочь, от второго – сын. Дочери Зинаиде шел уже шестнадцатый год, сыну Максиму исполнилось только пять, и с его матерью, своей второй супругой, Горчилин развелся примерно два года назад. На сайте компании был помещен портрет самого Горчилина: уверенный взгляд, волевой подбородок, строгое выражение лица, красивая модная прическа. Такой мужчина наверняка нравился женщинам. А учитывая, что его собственное состояние оценивалось в четырнадцать миллионов долларов, он должен был нравиться женщинам еще больше.

Интересно, что, судя по экономическим показателям компании «Пятое измерение», кризис две тысячи восьмого года почти не повлиял на уверенный рост ее доходов, лишь несколько снизились темпы роста. Интересно, какие проблемы волнуют Горчилина при столь уверенном росте его доходов, подумал Дронго. С одной стороны, личных проблем у него не должно быть. Обе бывшие супруги устроены, детей он обеспечивает. Старшая дочь учится в Швейцарии, сыну он выплачивает неплохие алименты. Или у него появилась любовница, которой он не совсем доверяет? Нет. Это просто глупо. Зачем нанимать в подобном случае такого известного эксперта, как Дронго. Можно подключить любого частного детектива, который проследит за молодой женщиной и ее встречами. Тогда в чем же дело? Зачем он понадобился этому Горчилину?

Зазвонил телефон. Это был охранник, который знал Эдгара Вейдеманиса в лицо. Охранник сообщил, что приехал Эдгар вместе с незнакомым мужчиной, они хотят подняться наверх. Дронго подтвердил, что ожидает обоих мужчин, положил трубку и пошел открывать дверь. Вейдеманис деликатно пропустил вперед незнакомца. Тот был выше среднего роста, подтянутый, широкоплечий. Рукопожатие его было сильным, энергичным. Горчилин был в сером дорогом элегантном костюме, синий галстук повязан американским узлом. Они прошли в гостиную, гость расположился в глубоком кресле. Во втором, напротив, уселся сам Дронго. На диване устроился Эдгар, готовый вместе со своим напарником внимательно выслушать гостя.

– Я вас слушаю, – кивнул Дронго, – вы ведь хотели со мной срочно поговорить?

– Да, – кивнул гость, – позвольте представиться. Горчилин Юрий Дмитриевич, президент компании «Пятое измерение». Я много слышал о вас и поэтому решил, что именно вы являетесь тем человеком, который может мне помочь.

– Надеюсь, что смогу, – пробормотал Дронго, – хотя заранее ничего обещать не могу. Сначала я должен вас выслушать и понять, в чем именно может выражаться моя помощь.

– Мне нужны именно вы, – вздохнул Горчилин. – Впрочем, вы правы: нужно рассказать все по порядку. Хочу предупредить, что у меня не совсем обычное дело. Для того чтобы вы все поняли, я должен начать с самого начала. Это случилось давно. Двадцать два года назад. Простите, что я вас спрашиваю... Вы были в Афганистане?

– Если вы имеете в виду, участвовал ли я в боевых действиях, то не участвовал. Но в самом Афганистане я был.

– Тогда вы поймете, о чем я говорю. Кабул находится совсем недалеко от пакистанской границы, сто пятьдесят километров по прямой на восток. Наша часть тогда располагалась в Джелалабаде. И мое отделение было выслано в горы на обычное патрулирование. Нас было восемь человек. Я был командиром отделения, уже имел сержантские нашивки. Ефрейтор Ахмет Эльгаров считался моим заместителем. И еще шестеро рядовых. Тогда, уже в восьмидесят восьмом, в Афганистан старались посылать побольше мусульман, представителей из мусульманских республик, которые знали местные обычаи, умели находить общий язык даже с душманами. В моем отделении служили трое мусульман: ефрейтор Ахмет Эльгаров, о котором я вам сказал, кабардинец, узбек Самар Якубов и чеченец Саламбек Музаев. Между прочим, Якубов был из Бухары и хорошо говорил не только на узбекском, но и на таджикском. И даже понимал немного по-пуштунски.

– Вместе с вами четверо, – кивнул Дронго. – А кто остальные четверо?

– Леня Субботин из Курска. Его забрали прямо из института, тогда уже забирали и студентов, не хватало людей. Он был старше нас на два года. Миша Шевченко из Тернополя; ему тогда было только девятнадцать. Еще Шалва Чиладзе из Кутаиси и Феликс Гордицкий из Витебска. Его тоже забрали из института. Он был старше нас на год. Остальным было по двадцать лет. Все были так молоды... Зато в нашем отделении собрался настоящий интернационал.

Мы выдвинулись к границе, патрулируя нашу зону. Этот участок считался более или менее спокойным. Я приказал Эльгарову взять двоих ребят и обойти склон горы, чтобы встретить нас с другой стороны. Тот забрал Леню Субботина и Саламбека Музаева. Мы остались впятером. В цепочке мы двигались все вместе, но я, как командир, шел первым. В этот момент мы услышали крики. Кричали внизу, у реки. Мы начали спускаться вниз. Увидели перевернутый внедорожник. В нем было двое погибших мужчин. Женщина кричала, просила о помощи. Рядом находились несколько мужчин. Было сразу понятно, что это моджахеды, и они собирались ее убить. Их было трое. Нет, четверо. Точно. Их было четверо. Нас было пятеро, и мы уже прошли хорошую выучку в горах, знали, как себя вести. Все-таки нас неплохо учили в Советской Армии. Я приказал открыть огонь. Трех мы убили, четвертый сбежал. Раненую женщину мы вытащили из салона автомобиля, как смогли, перевязали. Два пулевых ранения; было понятно, что она долго не протянет. Она сообщила, что в машине находились ее муж и водитель, которые погибли. Начала что-то бормотать про алмазы, мы ничего не поняли. Я позвал Якубова, попросил переговорить с ней, послал двоих осмотреть место засады. Боялся, что сбежавший моджахед вызовет подкрепление. Связался по рации с ефрейтором и приказал ему быстрее выходить на нас.

Можете себе представить мое положение? На руках тяжелораненая, умирающая женщина, рядом – несколько трупов моджахедов. И вокруг никого нет. Я хотел доложить о ситуации по рации, когда меня позвал Феликс Гордицкий. Он показал вниз, и я подумал, что нам нужно быстрее уходить. Там были видны фигуры вооруженных людей, явно моджахедов. Я решил, что двое наших понесут женщину, а остальные будут прикрывать их отход, до подхода группы Эльгарова.

А потом мы увидели, как по обмелевшему руслу реки к нам поднимаются «духи». Их было много, очень много – человек пятьдесят или шестьдесят. У некоторых в руках были гранатометы и пулеметы. А у нас только один пулемет и четыре автомата. С учетом подхода группы Эльгарова стволов могло быть семь, но никак не больше. Я приказал ребятам рассредоточиться и готовиться к бою. Вызвал подкрепление, попросил прислать за нами вертолет или нанести огневой удар по наступающим. Но в это время в ущелье спустился туман и видимость стала очень плохой. Мне сообщили, что вертолет не сможет к нам пробиться. Я приказал Эль-

гарову торопиться. В это время ко мне подполз Якубов, сообщил, что женщина и ее муж – родственники королевской семьи. Они уходили на восток, в Пакистан, когда попали в засаду. Муж успел застрелить водителя, который и выдал моджахедам их маршрут. Выдал семью, приведя ее в засаду, чтобы захватить бриллианты, которые они везли. Якубов сообщил, что в сумочке женщины есть бриллианты. Честно говоря, в этот момент мне было не до этого. Совсем не до этого. Моджахеды обрушили на нас огонь из гранатометов и пулеметов. И я знал, что никто не придет к нам на помощь, если Эльгаров не поторопится. Хотя что они могли сделать вдвоем против пятидесяти?

Горчилин тяжело вздохнул. Достал носовой платок, вытер лицо. И затем продолжил:

– Неравный бой длился минут двадцать или двадцать пять. У нас на глазах убили Самара Якубова, буквально прошив его пулеметной очередью. Тяжело ранили Шалву Чиладзе. Он у нас был пулеметчиком, и они сразу обрушили на него огонь из четырех гранатометов. Можете себе представить, что там было! Мы его еле оттащили, но он был уже без сознания. Нас осталось трое: я, Миша Шевченко и Феликс Гордицкий. Феликс нам очень помог. Он забрал пулемет Чиладзе и держался на возвышенности, отбивая все атаки нападавших. Я пополз к женщине. Она уже не дышала; видимо, ее ранения оказались очень тяжелыми. Я взял сумочку, заглянул в нее. Она была набита блестящими камешками. Я отложил сумочку в сторону, мне эти камешки в тот момент совсем были неинтересны. Я не знал, чем закончится наш бой, но трое против пятидесяти... продержаться было невозможно. Меня ранили в руку, Феликса в ногу, но мы все еще держались.

В самый напряженный момент наконец появилась группа Эльгарова. И там наш чеченец. Саламбек показал себя настоящим героем. Забрал у всех гранаты и пополз к нападавшим. Эти чеченцы иногда бывают храбрыми до безумия. Наверное, это у них в крови. В общем, он забросал их гранатами, но сам получил тяжелое ранение в живот. Однако человек восемь он уничтожил, это мы видели своими глазами. Эльгаров и Субботин заняли удобные позиции на склоне горы и держались изо всех сил. Я приказал Мише Шевченко обойти нападавших. Он пополз в обход, чтобы отсечь группу нападавших, которые рвались в горы. Вы бы видели, как он героически держался! Я все видел своими глазами. А когда его окружили, подорвал себя и нападавших гранатой. Прямо у меня на глазах. Такой парень был, самый молодой среди нас... Леонид Субботин даже заплакал, увидев, как погиб Шевченко. А потом ранили и его. Но к этому времени нападавшие просто выдохлись. К тому же начало темнеть. Их осталось человек тридцать. У нас были двое убитых, четверо раненых, из которых двое – тяжело. И ни единого шанса выстоять ночью, когда в горах ничего не видно и моджахеды могут просто подняться к нам и перерезать как баранов. Саламбек еще держался; несмотря на ранение в живот, он готов был сражаться. Я перевязал себе руку, Феликс сам перевязал себе ногу. Мы готовились умереть. Непонятно было, почему моджахеды с таким упорством нас атакуют. Ведь их потери были очень серьезными. Но они продолжали безрассудно идти на нас. Хочу обратить ваше внимание, что эти события происходили осенью восьмидесят восьмого, когда уже всем было ясно, что наши войска скоро уйдут из Афганистана. И моджахеды в других местах старались нас не атаковать, давая возможность спокойно эвакуироваться. А здесь – словно с ума сошли.

Горчилин тяжело вздохнул и продолжал:

– Эльгаров спустился ко мне и сообщил, что нам долго не продержаться. Я спросил, что нам делать. С двумя убитыми и двумя тяжелоранеными мы никуда бы не ушли, тем более наша позиция была выгодная. Уже почти стемнело. Я безуспешно пытался вызвать вертолет. Туман начал рассеиваться, мы увидели звезды и полную луну. Почти сразу по радиации мне сообщили, что за нами вылетают два вертолета. Настроение у меня сразу поднялось, но тут моджахеды снова пошли в атаку. У меня закончились гранаты и патроны, только камни оставались. И я вспомнил про эти паршивые бриллианты. Нашел сумочку, схватил горсть этих камней и бросил в нападавших. В тот момент я бы отдал их все за коробку патронов или за пару гранат.

Вы бы видели, как блеснули эти камни в лунном свете. Моджахеды сразу прекратили стрелять и выслали парламентария, который довольно сносно говорил по-русски. Он поднялся наверх с белым флагом и крикнул нам, чтобы мы прекратили огонь. Я приказал ребятам не стрелять и подпустить его поближе, чтобы выслушать. В нашем положении нужно было продлить эти переговоры как можно дольше, ведь каждая лишняя минута могла спасти нам жизнь. Вертолеты уже летели за нами, и мне нужно было выиграть время. Парламентарий поднялся к нам и начал говорить. Они предложили нам уйти, забрав своих раненых, и оставить им сумку с бриллиантами. Вот тогда я наконец понял, почему они так упрямо нас атаковали. Этих словечей волновали не вопросы защиты веры и родины, а драгоценные камни в сумочке скончавшейся женщины. Наверное, напавшие на машину не сразу нашли камни, они не могли поверить, что те были в ее сумочке. Наверное, искали в машине.

Можете себе представить мое положение? Все смотрели на меня. Не соглашаться было невозможно, они бы нас раздавили. Патронов у нас почти не осталось. Соглашаться – просто глупо: у нас было два трупа и два тяжелораненых бойца. Из четверых оставшихся двое тоже были ранены. Мы бы никуда не ушли. Нас бы легко догнали и просто положили одной хорошей автоматной очередью. Это была типично азиатская хитрость. Стоило только нам уйти со склона горы, как они бы нас догнали и перебили. На равнине у нас не было ни единого шанса.

Я попросил время подумать. Они согласились, даже не предполагая, что подмога уже в пути. Я попросил тридцать минут, они дали только пятнадцать. Но это была их ошибка. Я крикнул ребятам, чтобы держались, вертолеты уже должны были появиться. Через двенадцать минут, когда наши противники уже начали нервничать, наконец появились вертолеты. Две ракеты посеяли панику в рядах моджахедов. Мы тоже открыли огонь. Есть такая поговорка – против лома нет приема. Против огневой мощи наших вертолетов эти мародеры и грабители были почти бессильны. Но мы хорошо понимали, что это тоже временно. Если вертолеты сейчас не улетят, моджахеды обязательно вызовут к себе подкрепление, и здесь появятся их боевики со «стингерами», для которых наши вертолеты станут удобной мишенью. Я получил категорический приказ командира батальона как можно быстрее эвакуироваться. Мы забрали наших раненых, даже сумели погрузить тело Самара Якубова. Труп Миши Шевченко мы не забрали – его разорвало на куски. Я сам подполз туда и увидел его ногу в армейском сапоге. Там даже внутренности были размазаны по камням. На следующий день останки Миши забрали летчики соседнего полка и привезли к нам. Его похоронили в родном Тернополе, вылав туда в цинковом гробу, как это обычно делали, а тело Самара Якубова отправили в Ташкент.

Но перед тем как улететь, я забрал сумку с камнями, а рядом с погибшей женщиной поставил «растяжку» с двумя гранатами. Пусть тот, кто захочет проверить ее тело, получит мой личный презент. И только потом мы улетели. В пути я принял самостоятельное решение. Обоим нашим раненым – Саламбеку и Шалве – я вложил в карманы по три небольших камешка, еще по несколько камней раздал Лене Субботину, Ахмету Эльгарову и Феликсу Гордицкому. Последнему вообще протянул целую горсть – он нас всех фактически спас. Тот даже удивился, спросил, что это такое.

– Просто камешки сувенирные на память, – пошутил я, так ничего ему и не сказав.

Себе я оставил половину сумки, прекрасно понимая, что меня могут просто отправить в тюрьму, если узнают, как я раздавал эти камешки. Но все обошлось. Раненых отправили в госпиталь, меня с Феликсом – на перевязку.

Не буду рассказывать, каким чудом мне удалось сохранить эти камни – целый роман может получиться, просто приключения Монте-Кристо. Но я все же сумел их сберечь. А потом нас отправили из Кабула прямым рейсом в Ташкент. К тому времени поступил приказ о выводе нашей дивизии, и наш батальон выходил первым. В Ташкент я прилетел со своими камнями, вызвал туда младшего брата и передал ему сумку. Потом выяснилось, что бриллиантов в ней было на сто шестьдесят тысяч долларов. Для меня тогда это были просто неслыханные деньги.

Невероятные, невозможные. Через несколько месяцев меня демобилизовали и я приехал в Подольск, к родителям.

Горчилин взглянул на Дронго.

– Я считал, что это плата за нашу кровь, – пояснил он, – и не раскаиваюсь в том, что сделал.

– Ваше командование ничего не узнало? – уточнил Дронго.

– Узнало, конечно, – ответил Горчилин. – На месте боя нашли рассыпанные алмазы, которые я бросил в моджахедов, и решили, что они были потеряны во время боя. Часть камней позже собрали, даже одного моджахеда взяли, который уверял всех, что русские солдаты разбрасывали алмазы, не собираясь сдаваться. Это тоже сыграло в пользу моей версии. В Ташкенте меня два раза допрашивали в военной прокуратуре, но к тому времени уже ничего нельзя было доказать. И не забывайте, что мы считались почти героями. Меня представили к ордену Красного Знамени, посмертно ордена получили семьи Якубова и Шевченко. У Якубова остались родители, четверо братьев, сестры; у Миши Шевченко осталась только мать, которая умерла через несколько лет.

Это случилось двадцать два года назад. Я думал, что никто и никогда больше не вспомнит об этой трагедии, которая произошла с нашим отделением. Но я ошибался. Совсем недавно начались другие события, которые я просто вынужден связать с теми, что произошли тогда в Афганистане. Если хотите, такое непонятное и затянувшееся послесловие.

– Говорите, – кивнул Дронго, – что произошло с вами после этих событий?

Глава 2

Горчилин откашлялся, словно собираясь с мыслями.

– Подождите, – предложил Дронго, – может, вам надо выпить? Что вы хотите? Что-нибудь спиртное? Или воду?

– Лучше минеральную воду. Если можно, газированную, – попросил Горчилин.

– «Ессентуки» вас устроит?

– Да, спасибо.

Дронго поднялся и вышел из комнаты. Горчилин взглянул на Вейдеманиса.

– Как вы думаете, он согласится мне помочь? – спросил он у Эдгара?

– Это зависит только от него, – рассудительно ответил Вейдеманис, – но я думаю, что в его практике не так часто встречаются подобные случаи, когда о себе напоминает история, происшедшая много лет назад.

Дронго вернулся с бутылкой минеральной воды, достал два высоких стакана и разлил бутылку почти пополам, протянув стаканы Эдгару и своему гостю. Горчилин выпил воду залпом, поставил стакан на столик рядом с собой и продолжал:

– Мы с армейскими друзьями иногда переписывались, один раз даже встречались. Наши судьбы сложились по-разному. Мне тогда эти камешки очень помогли. Время наступило голодное, отца уволили с работы, он слег с инфарктом; мать – учительница – получала копейки. Мы с братом сидели без работы, а я к тому же решил еще учиться. Вот тогда я и начал продавать эти камни, чтобы выжить. Они меня тогда очень выручили. Но часть камней я держал до последнего. Потом окончил институт, открыл свое дело; сначала продавал зарубежную технику – магнитофоны, видеоприставки, – а потом перешел на другие товары. Постепенно мы расширялись, но время было сложное: постоянно бандиты наезжали или наши чиновники, а иногда те и другие вместе. По-настоящему развиваться мы начали только в последние десять лет, превратившись в крупную компанию. Но это только частности моей биографии, – поморщился Горчилин, – мне надо рассказать вам о том, что случилось с ребятами.

Вы, наверное, не поверите, но Саламбек просто потерял эти камни, которые я ему оставил. А может, их украли, пока он лежал в госпитале. Я ему звонил через два года, уже в девятнадцатом, и он даже не сразу понял, о чем я его спрашиваю. А вот Шалва оказался молодцом. Он сшил мешочек и спрятал эти камни у себя на груди. Так он их и сохранил. И честно признался мне, что хранит их до сих пор, как память о тех событиях, когда мы чудом остались живы.

Ахмет Эльгаров их просто выбросил – решил, что это такие сувенирные камни. Он ведь не был с нами, когда мы нашли машину и женщину, и не мог знать, что вся эта заваруха была из-за бриллиантов, которые были настоящими.

Леонид Субботин сдал камни командиру батальона. Его тоже с нами не было, когда мы нашли женщину с камнями, и поэтому он решил сдать эти алмазы нашему майору. Но при этом сообщил, что нашел их на земле, что косвенно подтвердило мое алиби. А прокуратура закрыла уголовное дело по факту пропажи этих алмазов.

А вот Феликс оказался самым умным. Он сумел сохранить камни и отправил их из Ташкента обычной посылкой к себе домой. Потом он мне рассказал, что эти камни очень помогли его родителям в самый трудный период их жизни.

– У каждого своя судьба, – вставил Эдгар.

– Вот именно, – кивнул Горчилин. – Феликс Гордицкий стал заместителем главы исполнительной власти Витебска. Леонид Субботин – дипломатом, он сейчас работает в нашем посольстве во Франции; он и тогда был самым целеустремленным и умным среди нас. Саламбек пропал во время Второй чеченской войны, его следов мы никак не можем найти. Шалва

стал крупным бизнесменом в Грузии, мы с ним часто встречаемся. Ну и, наконец, Ахмет Эльгаров окончил Высшую школу МВД и в прошлом году получил погоны полковника. Вот такие карьеры у нас получились. Я принес фотографию. На ней мы все, восемь человек. Еще живые...

– Интересная история. – Дронго вернул фотографию гостю. – Значит, все состоялись, смогли найти себя в этой жизни? Все шестеро?

– К сожалению, про половину из наших нужно говорить уже в прошедшем времени, – мрачно сообщил Горчилин.

– Я вас не совсем понял.

– Именно поэтому я к вам и пришел. Боюсь, что исчезнувший Саламбек, который получил самое серьезное ранение и почти полтора года провалялся в госпиталях и больницах, решил мстить своим бывшим товарищам.

– Почему вы так считаете?

– Он исчез, и на все наши запросы нам отвечают, что он пропал без вести, – сообщил Горчилин. – Но самое неприятное даже не это. Первым погиб Феликс Гордицкий. Его автомобиль взорвали прямо у здания исполкома, когда он уселся в машину, чтобы в перерыве поехать домой. Самое страшное, что машину взорвали вместе с водителем. Для спокойного белорусского Витебска такое преступление было просто неслыханным делом. У них такого никогда не было. Милиция, прокуратура, местный КГБ – у них там еще остался свой КГБ – подняли все на ноги, перетряхнули всех местных криминальных авторитетов, но ничего не нашли. У Феликса и врагов-то никаких не было и не могло быть. Но тем не менее его убили. Я был на похоронах и слышал, как недоумевали сотрудники милиции и прокуратуры, не понимавшие, кому и зачем понадобилось устраивать в тихом Витебске такой зверский кровавый акт. Они возбудили уголовное дело по статье «Терроризм», так мне говорил их следователь.

– И вы решили, что взрыв каким-то образом связан с этими бриллиантами?

– Сначала нет. Но примерно через месяц убили Ахмета Эльгарова. Точнее, через три недели. Я тоже поехал на его похороны. Незнакомый убийца ждал его в подъезде. И вы знаете, что самое поразительное? Что у полковника была своя охрана, и он, войдя в подъезд, узнал человека, который там его ждал, и поэтому отпустил обоих сотрудников своего управления. Они беседовали с неизвестным убийцей минут двадцать, а потом убийца сделал три выстрела. И исчез. Полковника нашли уже мертвым в подъезде. Теперь я не сомневался, что это кто-то из наших. Эльгаров был не наивный доверчивый мальчик и не обычный прохожий. Он не стал бы отпускать свою охрану, если бы почувствовал, что ему грозит какая-то опасность. И он был вооружен, но не достал своего оружия, а убийца даже не попытался это оружие похитить. Теперь я уже не сомневался, что это был Саламбек.

– Почему именно он?

– А больше просто некому. Нас осталось только трое. Субботин работает в Париже, и если бы приехал, то должен был сделать отметку в своем паспорте, даже учитывая, что он дипломат. А Шалва живет в Грузии, и для приезда в Россию должен был получить российскую визу, которой у него не было и которую сейчас не дают грузинам. Я ведь узнавал, нашего посольства сейчас в Грузии нет. Феликса Гордицкого и Ахмета Эльгарова уже убили. Остаются только два человека из тех, кто это мог сделать: либо я, либо исчезнувший Саламбек. И никаких других вариантов. Если это был Саламбек, то Ахмет Эльгаров никогда бы не стал в него стрелять. Они считали друг друга близкими друзьями, почти братьями.

– Тогда получается, что именно Саламбек убил своего друга? – предположил Дронго.

– Да, – кивнул Юлий Дмитриевич, – именно поэтому я и пришел к вам. Не знаю, каким образом, но вы должны найти убийцу. И не потому, что я его боюсь. Я его как раз не боюсь. Но это будет правильно, хотя бы из уважения к погибшим. К тем ребятам, которые погибли уже в наше время. К Феликсу или к Ахмету, с которым мы тоже дружили. Я твердо намерен

довести это расследование до конца и найти мерзавца, который поднял руку на своих и моих товарищей.

– Значит, вы уверены, что это был Саламбек?

– Других вариантов нет. Нас было восемь человек. Двое погибли в горах у нас на глазах, двоих убили сейчас. Нас осталось трое – и Саламбек. Не знаю, может, у него что-то случилось с психикой во время войны. Не могу объяснить, как он мог решиться на подобное. Ведь мы вынесли оттуда Саламбека на руках. И вынес его как раз сам Эльгаров. Но люди порой сильно меняются. Прошло двадцать с лишним лет, в Чечне было две войны. Мне говорили, что во время первой убили двух младших братьев Саламбека. Возможно, он обозлился... я не знаю, не мне судить. Но если это так, то можете себе представить, как он ненавидит полковника милиции, пусть даже тот и спас ему жизнь. Я имею в виду погибшего Эльгарова.

Дронго молчал. Долго молчал. Горчилин взглянул на Вейдеманиса, но тот тоже молчал, ожидая, когда заговорит его друг.

– Почему вы считаете, что Саламбек решил мстить вам таким образом? – уточнил Дронго. – Ведь он знал, что вы спасли ему жизнь. На Кавказе свои строгие законы чести. Чеченец не станет убивать человека, который спас ему жизнь. Или тем более мстить за какие-то там камни. Ведь вы об этом тоже подумали?

– Конечно, подумал. Ведь алмазы у него пропали. Может, он тогда решил, что их стащил кто-то из нас? Может, он просто обиделся, оскорбился? Вы же сами говорите, что у них свои законы чести. Может, он решил таким образом покарать воров, которые не оставили ему шансов на нормальную жизнь? Вы же помните, как трудно было тогда, во время распада Советского Союза, особенно в Чечне.

– Везде было трудно, – напомнил Дронго. – Президента Таджикистана тогда повесили на памятнике Ленину в центре Душанбе, но об этом демократическая российская печать не писала. А бывшего руководителя Афганистана сдал его собственный министр иностранных дел, когда Наджибулла пытался вылететь в Индию. Ему пришлось вернуться из аэропорта в Кабул и ждать, пока появится другая возможность улететь. И вошедшие через несколько месяцев в Кабул талибы просто растерзали несчастного, повесив его труп на центральной площади. Не только вам было трудно.

– Вот видите, – оживился Горчилин, – я как раз об этом и говорю. Люди менялись, если даже министр иностранных дел сдал своего президента. Что можно требовать от остальных...

– Предателем нельзя стать случайно, – возразил Дронго, – как нельзя неожиданно стать подлецом. Это должно вызревать у вас в душе, подготавливаться всем предыдущим опытом жизни. Как и героический поступок, на который вдруг может решиться спокойный и тихий человек.

– Я с вами согласен, – кивнул Горчилин, – но люди менялись в девяностые годы сильнее и быстрее, чем в другое время. И чеченцы тоже менялись. Вспомните, что генерал Дудаев был командиром авиационной дивизии, базирующейся в Эстонии, а полковник Масхадов – начальником штаба полка. Такие звания и должности кому попало в Советской Армии не давали. Значит, оба чеченца действительно были прекрасными офицерами, что они потом и доказывали не один раз. Но они спокойно воевали против своих бывших товарищей. Разве не так?

– У них было свое понятие долга, – сказал, словно раздумывая, Дронго. – Но зачем Саламбеку сейчас, спустя столько лет, мстить своим бывшим товарищам? Только потому, что у него тогда пропали эти несколько камней? Мотив слишком неубедительный. Вы ведь его тогда спасли, вытащили из боя. А сейчас он решил вспомнить о каких-то там камнях и устроить охоту за своими бывшими товарищами? Или вы что-то недоговариваете?

– Я рассказал вам все как есть, – тяжело вздохнул Горчилин, отводя глаза, нервно тронул себя за нос и продолжал: – Если совсем откровенно, то я и сам не совсем понимаю, что именно происходит. Зачем нужно было убивать Ахмета Эльгарова, я еще смогу понять. Все-

таким он полковник милиции, воевал в Чечне шесть месяцев. Об этом я тоже узнал. Но при чем тут Феликс Гордицкий? Если бы он был еще российским чиновником, то тогда можно было понять хотя бы мотивы. Или строить какие-то предположения. Чиновники – тоже представители государственной власти. Но он был белорусским чиновником. Что может связывать полковника милиции из Кабардино-Балкарии и заместителя председателя Витебского исполкома? Что, кроме общей службы в армии, где они оба были в моем отделении? И почему тогда их убили одного за другим?

– Вы уверены, что Субботин не покидал Франции, а Чиладзе – Грузии?

– Они так говорят. Но это легко проверить.

– И вы решили найти меня, чтобы отыскать убийцу?

– Да. Кроме того, что вы один из самых известных экспертов и сможете найти убийцу, вы еще и родом из Баку. А значит, сумеете отыскать и след исчезнувшего Саламбека, если это действительно был он.

– Значит, вы все-таки сомневаетесь?

– Да, сомневаюсь. Я не могу и не хочу верить, что даже спустя двадцать два года он так изменился. Даже после того как потерял своих братьев на войне. Даже после того как исчез. Я помню, как он отчаянно сражался, как спасал наше отделение. Как получил тяжелое ранение и едва выжил. И даже после ранения готов был сражаться. Он был настоящий воин, а не бандит. Я не хочу думать, что он так изменился. Но пока у меня нет другого подозреваемого. Остальные четверо в могилах, и нас осталось только трое, не считая Саламбека.

– Вы кому-нибудь рассказывали о том, что с вами случилось в афганских горах? Может, кому-нибудь из близких, родных?

– Конечно, рассказывал. Я думал, что эта история давно закончилась, и рассказывал ее даже с некоторым удовольствием...

– Тогда получается, что за эти годы появился человек, который решил мстить столь необычным образом. Интересно, что при этом он не требует своих алмазов.

– Этаким граф Монте-Кристо, – невесело усмехнулся Горчилин, – появился на нашу голову.

– Граф Монте-Кристо как раз обладал состоянием, которое он сумел получить, и мстил своим обидчикам за их предательство, – напомнил Дронго. – А ваш «Монте-Кристо», похоже, просто собирается мстить, не рассчитывая получить обратно свои алмазы. Может, это кто-то из родственников погибшей семейной четы афганцев? Кто-то мог решить тогда, что не водитель предал супружескую пару и моджахеды их не убивали, а именно вы, советские солдаты, устроили засаду и убили супругов, чтобы забрать их алмазы.

– Я об этом тоже думал, – кивнул Горчилин, – но все равно не получается. Ведь официально считалось, что алмазы были рассыпаны в горах и их нашли после боя среди обычных камней. Любой афганец мог узнать об этом и сделать вывод, что мы не забирали бриллиантов.

– Давайте уточним еще раз: там были алмазы или бриллианты, то есть обработанные камни?

– Конечно, обработанные. Бриллианты. И их нашли рядом с нашим местом боя. Поэтому афганцы не стали бы нас искать. Они бы решили, что бриллианты остались там, на поле боя.

– Тогда давайте вспомним, кому из ваших близких вы рассказывали об этой истории. Ведь о ней должен был знать ваш младший брат?

– Он все знает. Но сейчас живет в Америке, вместе со своей семьей, является нашим представителем в Нью-Йорке. Неужели вы думаете, что я мог бы его подозревать?

– Вы были дважды женаты и дважды разводились. Бывшим женам вы рассказывали о найденных в горах бриллиантах?

– Рассказывал, разумеется. Но если вы думаете...

– Где сейчас ваша первая супруга?

– В Швейцарии. Они там живут вместе с дочерью.

– И вы их обеспечиваете?

– Да, выплачиваю алименты. Но моя первая жена очень разумная особа. Между прочим, математик по образованию. Может, поэтому очень расчетливая и прагматичная. Когда мы поженились, она была студенткой, а потом стала дипломированным инженером. Но не работала ни одного дня по своей специальности. Она дважды выходила замуж, и оба раза за состоятельных людей. Сейчас обе ее дочери находятся рядом с ней в Швейцарии. И оба бывших мужа выплачивают алименты на девочек. Я – на старшую, Зинаиду, которой уже шестнадцать, а мой «преемник» – на свою дочь Галину, которой только восемь.

– Как зовут вашу супругу?

– Ростислава. Такое красивое старое русское имя. Она, конечно, редкая стерва, но не стала бы участвовать в проекте, который ничего, кроме неприятностей, ей не сулит, это точно.

– Понятно. А вторая супруга?

– Она была моделью, некоторое время даже работала у Юдашкина. Когда надевала свои «лабутаны», то была даже выше меня на полголовы. Может, поэтому я всегда чувствовал себя рядом с ней не совсем в своей тарелке. Мы развелись примерно два с половиной года назад. Но у меня есть от этого брака сын Максим. Диана, правда, не занимается сама воспитанием сына, поручив его бабушке, своей матери. Насколько я знаю, сейчас в ее «друзьях» числится какой-то известный продюсер. В общем, она тоже не пропадет, за нее можно не беспокоиться. Жалко только, что она мало занимается сыном.

– Они могли кому-то рассказать о ваших приключениях, – предположил Дронго.

– Конечно, могли. Ну и что? Зачем нужно убивать живущего в Витебске Феликса или так рисковать, убивая полковника милиции Ахмета Эльгарова? За убийство сотрудника милиции гарантированно дают пожизненное заключение.

– А если эти убийства совершались специально в расчете на вашу болезненную реакцию? Насколько я понял, вы оба раза были на похоронах. Может, кто-то решил использовать эти преступления, чтобы затем покончить и с вами. У вас ведь есть конкретный подозреваемый, который исчез и его не могут найти, – Саламбек Музаев, на которого легко свалить эти преступления. А в итоге этими убийствами хотят скрыть тот факт, что пытаются добраться именно до вас. Такая версия возможна?

Горчилин изумленно замер. Развел руками.

– Слишком сложно, – признался он, – мне бы подобное и в голову не пришло. Неужели вы считаете, что такое возможно?

– В нашем мире все возможно, —грустно подтвердил Дронго. – Вы пришли ко мне за помощью, значит, я обязан продумать, как помочь вам в этом деле.

– Вы считаете, что можете мне помочь? – встрепнулся Горчилин.

– Во всяком случае, попытаюсь. Учитывая, что в этом деле уже есть двое убитых, нам нужно торопиться. А теперь скажите мне откровенно, что еще вы мне не рассказали? Только честно, иначе я не смогу вам помочь.

– Вы уже спрашивали.

– А вы мне солгали. Я умею отличать ложь от правды. Вы нервно дернулись, отвели глаза, дотронулись до носа, пытаясь прикрыть лицо, – одним словом, явно занервничали. Что вы мне не сказали и почему вы так уверены, что это был Саламбек?

Горчилин покачал головой.

– Похоже, вы действительно хороший эксперт. Я хотел, чтобы вы провели независимое самостоятельное расследование. Чтобы у вас не было подсказок. Но раз вы настаиваете... Дело в том, что за сутки до своей смерти Феликс позвонил Ахмету Эльгарову и сообщил ему, что у него завтра утром важная встреча с нашим бывшим товарищем, который объявился после многолетнего молчания. Я сразу понял, кто это, и перезвонил Гордицкому, чтобы тот дал Салам-

беку мой номер телефона. Хотел помочь Саламбеку чем смогу, хотел быть ему полезным. Но Феликса в тот вечер я не нашел. Его мобильный был отключен, а городские не отвечали. И чем все это закончилось? Убийца взорвал машину с Гордицким, погубив заодно и его водителя. Поэтому я так и одержим поисками этого убийцы, чтобы наконец разобраться, почему он это сделал. Теперь вы все понимаете?

Дронго молчал.

– Я готов оплатить все ваши расходы, – сообщил Горчилин, – но мне нужен конкретный результат. Я опасаясь даже не столько за себя, хотя и увеличил свою охрану; мне важно, понять, кто и зачем это делает. И поэтому я прошу вашей помощи, господин эксперт.

Глава 3

После ухода гостей Дронго сел за компьютер. Сообщения о трагической смерти заместителя председателя Витебского исполкома Феликса Гордицкого и его водителя были опубликованы во всех белорусских газетах. Эта неожиданная гибель вызвала много кривотолков в спокойной республике, где почти не случалось подобных происшествий. Предполагали, что это криминальные разборки, происходившие с участием кавказских «авторитетов». Но Гордицкий имел безупречную репутацию, никогда не был связан с криминалитетом и вообще курировал вопросы строительства, а не рестораны и торговые точки, за которые отвечал другой заместитель.

Расследование было поручено областному Комитету государственной безопасности, который вместе с областной прокуратурой проверял все обстоятельства взрыва машины. Однозначно было установлено, что машину взорвали сознательно, и данное преступление можно было квалифицировать как террористический акт против представителя власти, находившегося при исполнении своих обязанностей.

Убийство в Нальчике вызвало не меньший резонанс. О нем написали даже центральные московские газеты. Полковник Ахмет Эльгаров был популярным человеком в Кабардино-Балкарии, о его мужестве ходили легенды. И поэтому смерть полковника вызвала ярость у его коллег, поклявшихся найти и покарать убийцу.

О Саламбеке Музаеве почти никаких сведений не было. Он исчез в девяносто девятом во время Второй чеченской войны и числился среди пропавших без вести. Сообщалось лишь, что он воевал в составе отрядов, совершивших рейд в Дагестан, и, возможно, был убит во время этих событий. Однако его труп так нигде и не был найден.

Дронго решил проверить данные и на остальных оставшихся в живых боевых товарищей Юлия Горчилина. Среди дипломатов, работавших в российском посольстве во Франции, действительно был советник-посланник Леонид Игоревич Субботин, шестьдесят шестого года рождения. Последние десять лет он работал за рубежом, сначала в Канаде, а затем во Франции. После службы в армии он поступил в Московский государственный институт международных отношений, который окончил в девяносто четвертом. Затем некоторое время работал в африканских франкоязычных странах и вернулся в Россию, где проработал три года в самом министерстве, откуда был послан в Канаду. Субботин – профессиональный дипломат, у него супруга и сын, которому исполнилось четырнадцать лет.

Данных на Шалву Григорьевича Чиладзе он в Интернете не нашел, даже просмотрев почти все известные грузинские компании, среди владельцев которых не было человека с такими инициалами. Но он понимал, что Чиладзе необязательно должен был появляться на подобных сайтах, если обладал контрольным пакетом акций какой-либо компании и не хотел, чтобы его имя фигурировало среди фактических владельцев какой-либо фирмы.

Дронго закончил свою работу ранним утром, отправившись спать в половине пятого, когда за окном уже рассветало. Летние ночи в Москве были короткими, длились всего несколько часов. Его разбудил телефонный звонок. На часах было около девяти утра. Дронго поморщился, когда, проснувшись, услышал, как включился автоответчик, предложивший позвонившему оставить запись. После третьего звонка включилась запись, и он услышал громкий голос Юлия Горчилина, говорившего, что он звонит по очень важному делу.

Дронго протянул руку и снял трубку.

– Что случилось? – спросил он.

– Звонил Шалва, – быстро сообщил Горчилин, – ему кажется, что за ним вчера следили. Так сообщил его водитель. Как вы думаете, кто это может быть? Может, догадаетесь?

– Я не гадалка, – сухо ответил Дронго, – это может быть кто угодно. Его конкуренты, личные враги, сотрудники правоохранительных или налоговых органов, с которыми бизнесмен Чиладзе имеет свои проблемы.

– Но он считает, что это были чужие, – настаивал Горчилин.

– В таком случае я полечу в Тбилиси, – решил Дронго, – прямо сегодня.

– С Грузией нет авиасообщения, – вздохнул Горчилин, – и вам еще нужно получить визу.

– В Тбилиси можно быстро добраться через Баку, куда летают в день шесть-семь рейсов, – сообщил Дронго, – и мне не нужна виза. Я смогу добраться туда уже сегодня вечером. Вы лучше предупредите своего друга, что я буду у них сегодня вечером.

– Обязательно позвоню, – согласился Горчилин. – Может, мне лучше полететь с вами?

– Ни в коем случае. Тогда я буду больше думать о вашей охране, чем о своем расследовании. Будет гораздо лучше, если вы уедете из Москвы в какой-нибудь загородный дом и останетесь там на несколько дней. Будет еще лучше, если об этом доме никто не будет знать, даже ваша охрана.

– Как это – без охраны? Они знают все мои дома, – возразил Горчилин.

– Сделайте так, чтобы взять с собой самых проверенных сотрудников. И купите новый телефон. Перезвоните мне, когда будете там. И никто не должен знать об этом убежище. Абсолютно никто. Вы меня понимаете?

– Стараюсь. Хотя мне будет сложно. Ладно, что-нибудь придумаю. Значит, вы летите сегодня?

– Не вижу смысла откладывать. И не забудьте, что я вам сказал. Не доверяйте своей новой охране, тем более если вы взяли ее совсем недавно. Среди них может оказаться предатель. Как говорят французы, «предают только свои». Поэтому возьмите автомобиль, купите продуктов и воды на несколько дней и постарайтесь исчезнуть. Так мне будет легче вести расследование. Тем более что у вас нет семьи.

– Хорошо, я все сделаю, – согласился Горчилин, – но вы тоже будьте осторожны. Если это Саламбек, то он легко мог оказаться в Грузии. Там сейчас сотни бывших чеченских граждан, которые сбежали в соседнюю страну.

– Я об этом знаю. Не забудьте мне позвонить, – еще раз напомнил Дронго перед тем, как положить трубку. Затем перезвонил Вейдеманису.

– Эдгар, мы сегодня должны быть в Тбилиси, – сообщил он своему напарнику. – Срочно возьми билеты на ближайший рейс до Баку, чтобы уже сегодня попасть оттуда в Тбилиси. И закажи нам через Интернет два номера в отеле.

– Все сделаю. Когда ты будешь готов выехать?

– Уже готов. Осталось только побриться и принять душ. И учти, что тебе нужно лететь туда со своим латышским паспортом. Иначе в российский паспорт ты так быстро грузинскую визу не получишь.

Дронго, резко поднявшись с кровати, поспешил в ванную комнату. Через двадцать минут перезвонил Вейдеманис. Он сообщил, что на утренние рейсы они уже все равно не успевают, и им придется вылететь восьмьсот пятьдесят первым рейсом в четырнадцать сорок, а затем пересесть на самолет, вылетающий вечером в Тбилиси.

До аэропорта Домодедово они добирались долго, почти полтора часа. К часу дня они уже были в аэропорту. Довольно быстро прошли границу. В зале бизнес-класса Вейдеманис взял себе кофе, Дронго традиционно предпочел чай. Они ждали приглашения на вылет.

– Что ты думаешь об этом деле? – поинтересовался Эдгар. – Наверное, пытался копаться в Интернете?

– Немного, – кивнул Дронго, – но ничего особенного все равно не обнаружил. Хотя отчасти я согласен с Горчилиным. Два убийства подряд – в Белоруссии и Кабардино-Балкарии – не могут быть простой случайностью или совпадением.

– Ты думаешь, что это Саламбек Музаев?

– Пока не знаю. Мне не совсем понятны мотивы. Спустя двадцать лет вспомнил, что ему недодали бриллианты, и решил мстить? Или посчитал, что их кто-то у него украл? Не верю я в такие затянувшиеся послесловия. Что-то не получается. Они ему тогда жизнь спасли, а он ездит по странам, чтобы их убивать? Зачем? Почему?

– Они все состоявшиеся люди, – напомнил Вейдеманис. – Горчилин стал олигархом, хоть и не очень крупным, но влиятельным. Погибший Гордицкий был заместителем председателя исполкома крупного белорусского города, Ахмет Эльгаров стал полковником милиции, Субботин уже сейчас занимает высокий дипломатический пост, а Шалва Чиладзе, судя по словам Юлия Дмитриевича, тоже не бедствует, если до сих пор не продал свои бриллианты. Тогда получается, что единственный неустроенный человек среди этой команды – Саламбек Музаев.

Дронго дослушал Эдгара до конца и, вытащив мобильный телефон, набрал номер Леонида Кружкова. Это был еще один его помощник, или третий партнер, который помогал им с Эдгаром во многих расследованиях. Если у Вейдеманиса были традиционные связи с представителями бывшего КГБ и нынешней ФСБ, то Кружков имел такие же тесные связи с сотрудниками милиции.

– Леонид, добрый день. Мне нужны все данные на Саламбека Музаева. Он пропал во время Второй чеченской войны. Если можно, постарайся узнать о его жизни до исчезновения. И запиши номер телефона. Юлий Дмитриевич Горчилин. Позвони ему, он даст тебе все прежние телефоны и адреса Музаева. Сейчас я позвоню, чтобы его предупредить.

– Сделаю, – ответил исполнительный Кружков.

Дронго перезвонил Горчилину.

– Вы предупредили своего друга о нашем визите?

– Конечно. Он просил уточнить номер вашего рейса, чтобы встретить вас в аэропорту.

– Это необязательно, – возразил Дронго, – мы сами доберемся. Вам будет звонить мой помощник, Леонид Кружков. Дайте ему всю информацию, которая у вас есть по исчезнувшему Саламбеку.

– У меня ее не так уж и много. Мы не виделись больше десяти лет.

– Я помню. Но вы дайте его прежние адреса и номера телефонов. Кем он работал до второй войны?

– Кажется, был заместителем министра у Масхадова, или нечто в этом роде. Заместителем руководителя республиканского ведомства. Кажется, они строили мосты или дороги. Но потом все связи с ним прервались. Я считал, что его убили. Очень переживал. И не только я один. А теперь выяснилось, что он решил мстить таким глупым образом. Тоже мне, мститель нашелся...

– Об этом мы с вами уже говорили. Вы сказали, что Шалва до сих пор хранит у себя ваши камни. Получается, что он их не продал?

– Нет, конечно. Я сам видел их у него, когда приезжал в Тбилиси пять лет назад. Еще до этой дурацкой войны в Осетии, после которой границы закрылись.

– У него был процветающий бизнес?

– Нельзя сказать, что он крутой олигарх, но у него есть свой завод по переработке фруктов. И еще три крупных виноградника. Его отец был известным человеком, работал в системе Грузинторга. Они были состоятельными людьми. Вы бы видели, какая у него прекрасная семья! Супруга Кетеван, трое сыновей... А какие у него братья! Их, кажется, четверо или пятеро, и все похожи друг на друга как близнецы. Или это мне так казалось.

– А если это Шалва решил мстить таким образом?

– Зачем? Кому мстить, по какой причине? Ну, предположим, что полковник российской милиции Ахмет Эльгаров может не вызывать у него слишком положительных эмоций. Но при чем тут я? И совсем непонятно, зачем ему убивать живущего в Витебске Феликса Гордицкого.

Чем больше я об этом думаю, тем тверже считаю, что убийцей мог быть только Саламбек. К моему огромному сожалению.

– Вы уже переехали в загородный дом? – спросил напоследок Дронго.

– Сейчас еду. У меня было много дел в городе. Нельзя все так бросить и уехать. Просто не получается.

– Речь идет о вашей безопасности, господин Горчилин, – строго напомнил Дронго. – И оставьте в городе телефон, по которому мы сейчас разговариваем. У вас уже появился другой номер?

– Да, конечно. У меня есть два других номера телефона, о которых никто не знает. Можете их записать...

– Назовите номера, – попросил Дронго.

Горчилин продиктовал оба номера и напоследок быстро сказал:

– Насчет гонорара вы можете не беспокоиться. Я уже перевел деньги на ваш счет...

– Господин Горчилин, я не принимаю денег от покойников, – окончательно разозлился Дронго. – Если вы не будете выполнять моих рекомендаций, то я не смогу вам помочь и, соответственно, не смогу принять от вас эти деньги. Подумайте лучше о собственной безопасности. И найдите наконец время, чтобы уехать из города.

– Да, да, конечно. Извините меня, я не хотел вас обидеть, – сконфуженно произнес Горчилин.

Дронго, не прощаясь, отключил телефон. Их попросили на посадку. «Боинг-757» взял курс на юг. Летели они нормально, но, когда над Волгоградом затрясло, Дронго нахмурился. Он знал, что на трассе Москва – Баку почти всегда традиционно трясет в районе Волгограда, словно там была какая-то аномалия, хотя как раз здесь не было никаких горных склонов, продуваемых ветрами.

В Баку они приземлились в половине седьмого. До следующего рейса было чуть больше двух часов. Дронго позвонил Кружкову.

– Что-нибудь выяснил?

– Он был по образованию строителем, учился в московском институте, когда началась Первая чеченская война, – сообщил Кружков. – Он ушел из института не окончив пятый курс. Добровольцем воевал на стороне Джохара Дудаева. Сражался, очевидно, неплохо. Стал командиром батальона, был ранен. После Хасавюртовских соглашений назначен заместителем руководителя республиканского ведомства по ремонту и строительству дорог. Заочно окончил институт. Несколько раз приезжал в Москву. Когда началась вторая война, сначала он выступил против нее, но опять получил назначение командиром батальона. Считался достаточно умеренным по своим взглядам сепаратистом, но воевал храбро. Опять был ранен. На все предложения об амнистии отвечал отказом. Пропал в конце девяносто девятого. По некоторым слухам, был снова ранен, уже в который раз, и умер в горах. С тех пор о нем никто ничего не слышал. В родном селе у него остались две сестры и их семьи, но о нем там никто не слышал.

– У него были жена и дети?

– Нет. Ему было чуть больше тридцати, когда он погиб или исчез. Могилы его не нашли. По некоторым сведениям, его, возможно, смогли вывезти через Грузию в Иорданию, где пытались спасти. Но это только слухи. Его самого никто не видел вот уже больше десяти лет.

– Понятно. Если будут новости, сразу сообщай, – попросил Дронго.

Вейдеманис испытующе взглянул на него.

– Пропал больше десяти лет назад, – сообщил Дронго. – Опять не получается: десять лет ждал, а потом появился и решил убивать? И самое главное – зачем? Что он этим хотел доказать? Непонятно.

– Гордицкий сказал, что у него назначена встреча с бывшим товарищем, который объявился после многолетнего молчания, – напомнил Вейдеманис. – Тогда действительно это мог быть только Музаев. Но зачем ему убивать Гордицкого? И откуда такая ярость и ненависть?

– Нужно будет снова потрясти Горчилина, – задумчиво произнес Дронго, – может, он что-то недоговаривает. И, конечно, нам следует переговорить со всеми оставшимися в живых солдатами этого отделения. Субботин и Чиладзе – вот кто нам интересен в первую очередь; ведь они могут пояснить нам, почему Музаев, если это он, с таким маниакальным упорством ищет своих товарищей по всему свету. И вместо благодарности взрывает и убивает их.

Через два часа небольшой самолет «АТР-72» вылетел из Баку в Тбилиси. В новом аэропорту было уже темно, когда они взяли такси и поехали в город. На часах было половина десятого по местному времени. Дронго достал телефон и набрал номер Шалвы Чиладзе. Услышал голос с характерным грузинским акцентом и вежливо поздоровался по-грузински.

– Гамарджоба. Добрый вечер, уважаемый Шалва Григорьевич.

– Кто это говорит? – удивился Чиладзе.

– Я друг Юлия Дмитриевича Горчилина и прилетел по его просьбе, – пояснил Дронго.

– Очень хорошо, – обрадовался Шалва, – как мне к вам обращаться?

– Можно просто Дронго. Меня обычно так называют.

– Очень приятно, господин Дронго. Где вы находитесь? Я сейчас пошлю за вами машину.

– А где вы сами находитесь?

– У себя дома, – засмеялся Чиладзе, – Юлик сказал мне, чтобы я не выходил из дома. Я, конечно, не боюсь, но сегодня остался дома, чтобы не искушать судьбу. Да и жена меня не пустила.

– Правильно сделала. Мы сейчас едем в отель «Иверия», пусть ваша машина приедет за мной туда.

– Он сейчас называется «Рэдиссон Блю Иверия», – сообщил Шалва, – я пошлю туда своего водителя. Он вас привезет к нам. Можете не беспокоиться, у меня дома нам никто не помешает.

– Почему вы так уверены? – уточнил Дронго.

– У меня здесь лучшая охрана в мире. Не один спецназ их не пройдет, ни один убийца не сможет их обойти, – гордо заявил Чиладзе. – У меня трое сыновей, старшему уже восемнадцать, а младшему – четырнадцать. И все трое отлично стреляют. А еще рядом живут четыре моих младших брата со своими сыновьями. Если понадобится драться, я могу выставить полвзвода моих родственников, каждый из которых готов умереть за меня, как и я за них. И предателя среди этих людей вы не найдете ни за какие деньги. Вот почему я такой уверенный. Пусть кто-нибудь попробует сунуться! Вчера мой водитель увидел, что за нами следит какая-то машина. Я сразу позвонил Юлию Горчилину в Москву. Он предупредил меня, что такое может случиться. Сейчас мы пытаемся вычислить эту машину. Жалко, номера мы не увидели...

– Как вы думаете, кто это может быть?

– Не знаю, дорогой, даже не представляю. Юлий считает, что это может быть несчастный Саламбек, который погиб больше десяти лет назад. Но я в такие чудеса не верю. Где он был столько лет? Почему не объявлялся, почему прятался? Нет, он погиб, и мир его праху...

– Тогда кто мог убить ваших бывших друзей – Феликса Гордицкого и Ахмета Эльгарова? Или вы думаете, что это обычное совпадение?

– Какое совпадение? О чем вы говорите? Конечно, это были спланированные убийства. И в Витебске, и в Нальчике. Но это не Саламбек. Они тогда пошли в обход горы втроем. Эльгаров их с собой забрал – Леонида Субботина и нашего Саламбека. Поэтому я уверен, что никто из них никакого отношения к этим убийствам не имеет.

– Я вас не совсем понимаю. А кто тогда имеет?

– Наверное, нашелся кто-то из родственников этих афганцев. Я ведь помню, как мы эту женщину спасали. Она уже была при смерти, когда мы подоспели. Их с мужем водитель сдал моджахедам, и те устроили там засаду. Ее муж убил предателя и сам получил сразу четыре пули в грудь. Они искали бриллианты в машине, даже не подозревая, что она держит их в своей сумочке под вторым дном. Видимо, посмотрели на сумочку и отбросили в сторону. Я думаю, что убийца кто-то из их родственников. Сейчас, спустя двадцать лет, опомнился и бросился искать бриллианты. Но вы лучше приезжайте, и мы обо всем переговорим.

– Обязательно, – сказал Дронго, – мы будем ждать вашу машину в «Иверии».

Он убрал аппарат. Вейдеманис ничего не спросил, только молча посмотрел на своего напарника.

– Шалва считает, что это мстит кто-то из родственников погибшей пары афганцев, – пояснил Дронго.

– Эта версия выглядит более правдоподобно, – рассудительно заметил Эдгар, – хотя и несколько экзотично. Откуда-то появившийся афганский родственник убивает полковника милиции за то, что тот двадцать два года назад в составе группы советских солдат украл бриллианты у их родственников? Бред какой-то! Скорее похоже на красивую восточную сказку, чем на реальную трагедию.

– Сам говоришь, что эта версия выглядит более правдоподобно, – недовольно заметил Дронго.

– Она выглядит лучше, чем версия с воскресшим чеченцем, но все равно полный бред, – ответил Вейдеманис.

– И двое убитых, – напомнил Дронго, – даже трое. Учитывая, что в Витебске погиб еще и водитель Гордицкого. Это уже не бред, а настоящая трагедия. И учти, что убийство полковника милиции – это уже не просто месть неизвестного, а настоящий вызов правоохранительным органам. Кроме того, убийца должен был понимать, что теперь его будут искать очень серьезно, и не факт, что его вообще захотят брать живым после такого преступления.

Вейдеманис молча кивнул. Оба напарника даже не подозревали, насколько трагически и запутанно будут развиваться дальнейшие события.

Глава 4

Шалва прислал за ними внедорожник «Ниссан» с молодым водителем, который оказался его племянником. Водитель повез их по проспекту Гамсахурдиа, названному в честь отца первого президента – Константина Гамсахурдиа, известного классика грузинской литературы. Когда они были в пути, позвонил Горчилин. Он сообщил, что уже приехал в свой загородный дом и теперь находится в нем. Дронго посоветовал ему никому не рассказывать о своем новом месторасположении. Их автомобиль выехал за город и направился в сторону пригорода, расположенного в Земо-Авчалы, где находился дом Чиладзе.

У дома их ждали вооруженные люди. Шалва был прав, когда говорил о своем окружении. Его дом находился среди домов других родственников, братьев, друзей, соседей. Чтобы войти без разрешения в дом Шалвы, нужно было вызвать сюда штурмовой десантный батальон, и не факт, что ему удалось бы справиться с таким количеством вооруженных родичей и соседей, которые защищали бы своего родственника и соседа изо всех сил.

Дом был просторным, двухэтажным. Шалва вышел к гостям. Несмотря на молодость, он был уже довольно грузным мужчиной, располневшим, с трудом передвигающимся, страдающим одышкой. У него были толстые щеки, крупные глаза немного навывкате, черные густые усы, уже начинающие седеть волосы, запоминающиеся черты лица. Он энергично пожал руки приехавшим, приглашая их пройти в дом. Дронго представил хозяину своего напарника – Эдгара Вейдеманиса. Несмотря на поздний час, в доме никто не спал – ждали гостей. Приятный запах жареного мяса щекотал ноздри. Шалва пригласил их под летний навес, где уже были расставлены легкие закуски, вино, овощи и фрукты.

– Все собрались в доме, – сообщил хозяин, – ждут вас, чтобы вместе поужинать. А сюда я пригласил вас специально. В доме нельзя говорить, слишком много друзей и родственников. Не будем их пугать или тревожить. – Как и многие грузины, которые жили еще в Советском Союзе, он говорил по-русски вполне грамотно, но с сильным акцентом.

– Согласен, – кивнул Дронго, проходя и усаживаясь за стол. Вейдеманис уселся рядом. Шалва сел напротив, внимательно глядя на гостей.

– Я попросил проверить все машины, похожие на ту, которая ездила за нами по городу, – сообщил он, немного понизив голос, – и думаю, что наша полиция ее найдет. У нас теперь нет прежней госавтоинспекции, которая лишь брала деньги со всех водителей. Там теперь служат отличные ребята, которых уважает вся страна и которые не берут денег. Я думал, что такого просто не может быть, чтобы в ГАИ работали офицеры, которые не берут взятки. В Америке или в Германии может быть, но только не у нас. А получилось, что у нас тоже могут быть такие офицеры. И они обязательно найдут ту машину, которая следила за нами.

– Какая была машина?

– Серый «Хендай». Так сказал мне мой водитель. Он еще и мой племянник, сын моей старшей сестры, и я ему доверяю. Он обратил внимание на эту машину, которая все время ездила за нами, словно приклеенная. А когда он остановил машину и вышел, чтобы посмотреть ее номер, этот трус дал задний ход и сразу уехал.

– Значит, понял, что ваш водитель его заметил?

– Понял, конечно. Иначе не стал бы так быстро удирать.

– Сколько людей было в машине? Один или двое?

– Племянник говорит, что один. А может, двое. Он не уверен.

– Теперь вы ищите все машины, похожие на эту?

– Уже нашли. Сорок четыре машины только в городе зарегистрировано. Эта компания продает у нас машины уже давно. Сорок четыре автомобиля такого цвета. Теперь нужно про-

смотреть список, но я уверен, что там не будет Саламбека Музаева, в этом можете не сомневаться.

– А кто тогда будет?

– Не знаю. Я уже сказал. Может, кто-то из оставшихся в живых афганских родственников решил мстить таким необычным образом. Хотя, за что нам мстить? Наши ребята пытались спасти женщину, даже перевязку ей сделали. А эти бандиты хотели ее не только убить, но и ограбить. Может, кто-то сейчас решил вот таким образом о себе напомнить. А может, это вообще не родственник несчастной пары, которую там убили. Может, родич кого-то из бандитов, которых мы тогда пристрелили. Узнал, что его близких убили и никаких бриллиантов они не получили, вот и решил мстить таким образом.

– Афганцу было бы трудно ориентироваться в Витебске и Нальчике, – задумчиво заметил Дронго, – не говоря уже о том, что у Юлия Дмитриевича есть основания считать, что это был все-таки Музаев.

– Какие основания?

– Разве он вам не говорил о телефонном звонке Гордицкого Ахмету Эльгарову за день до своей смерти? Феликс Макарович сообщил, что у него намечается важное свидание с человеком, которого они считали пропавшим без вести. С бывшим другом. И на следующий день его убили.

– Это еще ничего не доказывает, – нахмурился Шалва. – Знаете, сколько у каждого из нас таких друзей? Особенно после всех этих войн на Кавказе. Сколько пропавших, исчезнувших, затерявшихся, просто забывшихся или уехавших... Даже не сосчитать. Нам, грузинам, досталось за эти годы по максимуму. Сначала апрель восемьдесят девятого, когда убивали наших женщин саперными лопатами, потом девяностые годы... Сначала Звиад Гамсахурдиа стал президентом, а потом начались разборки с осетинами и абхазами. Потом к власти вернулся Шеварднадзе, и произошла гражданская война, когда грузин стрелял в грузина. Потом в Абхазии была еще большая война, когда грузин, составлявших подавляющее большинство населения Абхазии, просто выгнали оттуда с помощью российских наемников. А потом было еще много локальных конфликтов, и все кончилось войной с Россией, когда у нас отняли Осетию и Абхазию, – вздохнул Шалва. – Извините, что я так говорю, но я понимаю, что вы не русские, хотя, наверное, граждане России. Но я и при русских людях тоже так говорю, ничего не меняя. И при своем друге Юлике Горчилине тоже так говорю.

– Дело не в том, о чем вы говорите. Дело в том, что есть некоторые моменты, на которые я всегда обращаю внимание. В апреле восемьдесят девятого советские солдаты не использовали саперных лопаток и не убивали ими грузинских девушек...

– Как это не убивали? – встрепнулся Шалва.

– Вот так. Это была ложь комиссии Собчака, растиражированная затем по всему миру. Тогда погибли восемнадцать девушек и женщин. Экспертиза точно установила, что они погибли от сдавливания. Это был ужас, трагедия, кошмар. Когда солдаты двинулись на безоружную толпу, люди бросились бежать, и девушки гибли в этой давке. Но лопатами никого не убивали. Вы же грузин, уважаемый Шалва; как вы можете себе вообразить, что русские солдаты бьют грузинских девушек лопатами, а грузинские мужчины спокойно на это смотрят? Почему тогда среди погибших не было мужчин? Все испугались и сбежали? Вы можете в это сами поверить? Никогда в жизни грузины просто не допустили бы, чтобы их дочерей и сестер убивали лопатами у них на глазах.

Шалва мрачно молчал.

– И еще некоторые моменты, – безжалостно продолжал Дронго. – Когда крах политики Гамсахурдиа стал очевиден, Шеварднадзе не просто взял власть. Ему помогали и некоторые «специалисты» из северной страны, и об этом все знали. И тогда, и сейчас. А конфликты в Осетии и Абхазии возникли в результате националистической политики самого Гамсахурдиа.

– Вы приехали с таким антигрузинским настроением? – хмуро заметил Чиладзе.

– У меня бабушка – грузинка, мегрелка, – сообщил Дронго. – Мать моего отца, которую я очень любил и которая меня вырастила, привив вечную любовь к вашему народу и вашей культуре. И поэтому я считаю, что имею право говорить правду. Если народ не боится слышать правду, пусть даже горькую и беспощадную, он непобедим. А если правду заменяют ложью, то тогда прежние идеалы утрачиваются, нравственные идеалы подменяются и народ легко поддается на провокации и обман.

– У меня мама мегрелка, – сообщил заметно повеселевший Шалва. – И все равно – все, что вы говорите, мне очень неприятно слышать.

– Мои сообщения тоже не истина в последней инстанции. Человек обязан сам разбираться во всем, что происходит вокруг. Народ обязан давать объективную оценку всему, что происходит с ним в истории. Грузины всегда были на особом положении и в царской России, и в Советском Союзе. Вы всегда немного отличались ото всех остальных. Как любимые, но немного избалованные дети. Даже сейчас, после войны с Россией, вас по-прежнему любят и ценят и в России, и в соседних странах. Эта любовь на каком-то бессознательном уровне, которую трудно даже логически объяснить.

– Поэтому неизвестный убийца приехал убивать меня сразу после убийства Ахмета Эльдарова? – поинтересовался не без иронии Чиладзе.

– Боюсь, что не поэтому. Но если мы признаем тот очевидный факт, что два убийства подряд не могут быть случайностью, то убийца на этот раз действительно появится здесь, чтобы совершить свое очередное преступление. И ваши друзья и родственники, которые сейчас ждут нас в доме, могут вам не помочь. Ведь безжалостный убийца готов на любые жертвы. Машину Феликса Гордицкого он взорвал вместе с ним и с его водителем, который вообще не был ни в чем виноват.

– Но почему, зачем? Кому мы мешаем?

– Я прилетел это выяснить, – напомнил Дронго, – а заодно и кое-что уточнить. Возможно, там, в горах на афгано-пакистанской границе, были какие-то моменты, о которых Горчилин просто не упомянул или не обратил на них внимания. Возможно, вы можете дополнить его рассказ или вспомнить какие-то новые детали.

– Не думаю, что смогу, – признался Шалва. – Я ведь был при пулемете, и, когда они окружили нас со всех сторон, Горчилин приказал мне отстреливаться до последнего патрона. Я старался стрелять экономно, но метко. Пулемет стоял наверху, и при таком обзоре у меня была почти идеальная позиция. Кажется, в тот день я убил восемь или девять человек. Вот такой «людоед» сидит перед вами. В мирной жизни за убийство двоих и более людей дают высшую меру наказания, а на войне – ордена и медали. Мне за тот бой дали медаль, которой я очень горжусь: медаль «За отвагу». Значит, я не самый последний солдат был на той войне... Что там было, я не вспомню. Наступавшие моджахеды обрушили на меня весь свой огонь, понимали, что нужно заставить замолчать именно мой пулемет, иначе им было не подняться к нашим ребятам. Горчилин потом рассказал мне, что стреляли сразу из четырех автоматов. В общем, меня тяжело ранило, и я потерял сознание. Очнулся через некоторое время от сильной боли. Я думаю, что тогда в меня камень попал, прямо в лицо, и рассек кожу, вот здесь, под глазом. Шрам до сих пор остался. Я в себя пришел, чувствую, что сейчас умру. Рядом лежал Феликс, который стрелял из моего пулемета. Я посмотрел в сторону, увидел оторванную ногу в армейском сапоге. Спросил у Феликса, кого убили. Он крикнул мне, что убиты Миша и Самар. Я снова потерял сознание. Очнулся, уже когда меня поднимали в вертолет. А потом узнал, что несколько драгоценных камней мне Юлик положил, в награду. Но я сразу понял, что это ценные камни, и спрятал их в мешочек, который был у меня всегда на груди. Чтобы не отняли бриллианты, я пошел на хитрость: насыпал туда немного песка, и всем, кто меня спрашивал, говорил, что это моя родная земля, которую дала мне мать перед уходом в армию. Врачи и

офицеры понимающе кивали и не трогали моего мешочка. Вот так я его и сохранил. И храню дома до сих пор, – закончил Шалва.

– Значит, вы видели погибших?

– Шевченко себя гранатами подорвал, я видел его разорванные останки; а Якубов погиб, и его труп забрали в вертолет. Останки Шевченко наши вертолетчики тоже забрали. Они оба погибли, здесь нет никаких сомнений.

– И вас осталось шесть человек? – уточнил Дронго.

– Да. Но только я был тяжело ранен. И Саламбек был тоже ранен. Сам он пропал больше десяти лет назад, и с тех пор мы о нем ничего не слышали. Я думаю, что он погиб. Не такой он был человек, чтобы долго прятаться и скрываться. Он бы обязательно дал о себе знать.

– Остаются пятеро...

– Уже трое, – поправил своего гостя Шалва. – Я думаю, вы не сомневаетесь, что эти двое тоже погибли. Феликс Гордицкий и Ахмед Эльгаров. Юлик был на похоронах обоих наших товарищей. Значит, остались только трое: я, Юлик и Леонид Субботин. Только представьте себе, что советник российского посольства, известный дипломат, ездит по городам, чтобы убивать и взрывать своих бывших товарищей из-за нескольких бриллиантов, которые он сам честно сдал командиру батальона! Глупо и невероятно. Тогда остаются только двое. Горчилин боится больше всех. Наверное, правильно боится. Ведь больше всего бриллиантов, наверно, досталось ему. И он был нашим командиром. Поэтому он вас и нашел, скорее всего для того, чтобы обеспечить свою безопасность в первую очередь. Тогда остается только один человек. Кавказец, мстительный, горячий, пострадавший тогда больше всех, который фактически всех спасал, а сам ничего не получил, кроме нескольких бриллиантов. Получается, что самый реальный кандидат на убийцу – это я, – невесело закончил Чиладзе, – а вы прилетели сюда не для того, чтобы найти возможного убийцу, а для того, чтобы меня нейтрализовать. И может, я вместе со своим племянником нарочно придумал эту историю про машину, которая якобы за нами следит, чтобы никто меня не заподозрил. Как вы считаете, такую версию можно принять?

– Можно, – кивнул Дронго, – но только с одной поправкой. Вам трудно было бы попасть в Россию без визы, ведь вы грузинский гражданин. Значит, все можно легко проверить, достаточно просмотреть ваш паспорт.

– А если у меня два паспорта? – не унимался Шалва.

– Даже если пять. Вам все равно нужна российская виза, и желательно именно на тот день, когда погиб Ахмет Эльгаров. А если ее у вас нет, то тогда вы не пересекали границу и не могли оказаться в Нальчике в день убийства полковника Эльгарова.

– Вы правы, – согласился после недолгого молчания Чиладзе, – об этом я сразу не подумал. Тогда у нас остается только один подозреваемый.

Дронго испытующе взглянул на хозяина дома. Он догадался, чью фамилию сейчас назовет Шалва Чиладзе.

– Больше нет других подозреваемых, – тяжело выдавил из себя хозяин дома, – и остается только один человек. – Шалва помолчал. Затем взглянул на Дронго: – Вы уже поняли, что я хочу сказать? Вернее, кого я хочу назвать?

– Для этого не нужно ничего понимать, – ответил Дронго, – но тогда скажите, почему я должен с вами согласиться?

– Потому, что я сам не согласен с собой, – сказал Шалва. – Может быть, все эти разговоры о появившемся друге спустя много лет – просто глупый блеф? Может, Юлик его нарочно придумал. Ведь он, единственный среди нас, поддерживал связь с каждым из своего отделения.

– Вы подозреваете Горчилина?

– Конечно, не подозреваю. Но остается либо он, либо Леонид Субботин. Про себя я точно знаю, что никого не убивал и не собираюсь этого делать. Мне моих убитых – там, в горах, – на

всю жизнь хватит. Но тогда мне остается только подозревать или Юлика, или нашего дипломата. А я не хочу этого делать.

Из дома кто-то громко позвал хозяина. Собравшимся, очевидно, надоело ждать, когда наконец Шалва пригласит гостей.

– Пойдемте, – поднялся Чиладзе, – не будем заставлять их ждать. Надеюсь, что на сегодняшнюю ночь мы уже закончили.

– Подождите, – остановил его Дронго. – А если это тот случай, когда мы имеем дело с непредсказуемым фактором, о котором даже не подозреваем?

Чиладзе остановился.

– Тогда я поверю, что дьявол существует, – сказал он. – Идемте ужинать, а то мои гости убьют меня и без вашего убийцы, – пошутил он напоследок.

Глава 5

Застолье продолжалось долго, как и полагается в подобных случаях. Несмотря на поздний час, гости даже и не думали расходиться. Тосты поднимались один за другим, и к четырем часам утра основательно захмелевшие напарники наконец уселись в автомобиль, чтобы отправиться обратно в отель. Несмотря на все возражения, обоих поили красным домашним вином, заставляя пробовать каждый сорт и выпивать за каждый тост, а под конец выдали полулитровые кубки, заставив гостей пить до дна.

– Я чувствую себя так, словно меня оглушили, – пожаловался Эдгар. – Кажется, я в жизни не пил столько вина.

– У меня был похожий случай в Болгарии, – признался Дронго, – мне было тогда только двадцать семь лет, и я выпил, наверное, полбочки вина, после чего почти полтора дня спал, не просыпаясь.

– Я всегда подозревал, что ты скрытый выпивоха, как и все кавказцы, – пробормотал Вейдеманис.

– Не совсем, – усмехнулся Дронго. – Хотя был у меня случай лет десять назад, когда я путешествовал в поезде вместе с писателями по Европе. Тогда на переезде Таллин – Санкт-Петербург я перепил самого Зураба Ахвледiani, который был примерно с меня ростом и в два раза шире в плечах. Он весил килограммов сто двадцать, а я – только девяносто пять. И мы с ним выпили огромное количество текилы. Точно не помню, но литра три выпили. Он потом просто свалился в отеле, а я еще был на ногах. Хотя, возможно, я тоже преувеличиваю и был не совсем в такой идеальной форме, как бы мне хотелось.

В отель «Иверия» они вернулись уже в пятом часу утра. Расходясь по номерам, договорились встретиться за завтраком, но оба проспали, и Дронго набрал номер телефона своего напарника только в двенадцатом часу утра. Через полчаса они уже сидели в ресторане, заказав себе завтрак. Позвонил мобильный телефон. Это был Шалва Чиладзе.

– Я у себя в кабинете уже с десяти часов утра, – радостно сообщил он, – решил вас не беспокоить, чтобы вы немного отдохнули. Как спали?

– Неплохо. Учитывая количество выпитого, спали почти хорошо, провалившись в глубокий сон, – ответил Дронго.

– Значит, все правильно, – рассмеялся Шалва, – так и должно было быть.

– Где находится ваш офис?

– На проспекте Церетели, – сообщил Чиладзе. – Если хотите, я пошлю за вами машину.

– Нет. Сегодня не нужно. Мы постараемся приехать сами и осмотреться. Будет лучше, если мы будем не на вашей машине.

– Все понимаю. Согласен.

– И, пожалуйста, никуда не выходите из своего офиса. Он хотя бы у вас охраняется?

– Внизу есть вооруженный охранник. Еще двое сидят у меня в приемной. Все вооружены, есть разрешение на оружие. И у нас в офисе работает много людей. Сюда никто не сунется.

– Ясно. Тогда до встречи. Мы сами приедем к вам в офис.

Дронго убрал телефон в карман, взглянул на Вейдеманиса.

– Поедем посмотрим, – предложил он.

– Мы не охранники, – напомнил Эдгар, – сложнее всего прикрывать человека, который выбран в качестве объекта нападения. Ты ведь прекрасно знаешь, что в подобных случаях нужно действовать на опережение, а не прикрывать собой охраняемую нами особу.

– На какое опережение, если мы не знаем, кто это такой?

– Тогда нужно принимать единственно возможную версию, что это Саламбек Музаев, – предположил Вейдеманис. – Кажется, твое любимое изречение из Оккама: «Не умножай сущее без необходимости».

– У нас нет доказательств.

– Кроме него, больше некому, – напомнил Эдгар. – И вот еще о чем я подумал, когда ты вчера разговаривал с Шалвой Чиладзе. Помнишь, ты сказал ему, что грузины были как избалованные дети, которых все и всегда любили. А вот чеченцы были как раз не самыми любимыми. И во времена царской России, и во времена большевиков, особенно при Сталине.

– Что ты хочешь сказать?

– Человек к тридцати годам прошел три войны: афганскую и две чеченских, – напомнил Вейдеманис. – Возможно, озлобился, изменился. Ты сам всегда говорил, что война резко меняет людей, и не в лучшую сторону. Вот эти войны его и изменили.

– Вчера в аэропорту ты тоже пытался донимать меня этими предположениями, – вздохнул Дронго.

– Вчера мы еще не говорили с Чиладзе, – возразил Эдгар.

– Что изменилось?

– Мои ощущения. Он не может быть убийцей. И ты это тоже прекрасно понял. Насчет Субботина пока не знаю, но тоже не подходит. Преуспевающий дипломат, советник посольства во Франции, сделавший к сорока годам такую прекрасную карьеру, вдруг бросается убивать своих прежних товарищей? Как минимум глупо. Как максимум просто безумие. Значит, Музаев. Обрати внимание, что он был ранен в горах, его оставили в больнице, а он просто потерял эти бриллианты. Может, пытается вернуть себе все то, что тогда потерял. Считает, что ему недодали. Ведь основную часть бриллиантов Горчилин оставил себе. Кроме того, Музаев – мусульманин и, возможно, таким образом мстит всем остальным.

– Тогда зачем убивать Эльгарова? Он тоже мусульманин?

– Он был полковником милиции. Той самой российской милиции, сотрудники которой воевали с чеченцами. Саламбек мог считать Ахмета Эльгарова просто предателем и, соответственно, мстить.

– Все построено правильно, психологически оправдано, но нет никаких доказательств, кроме этой фразы Гордицкого насчет бывшего друга, с которым тот не виделся много лет.

– Но эта фраза как раз все и объясняет.

– Кроме одного: зачем Саламбеку Музаеву убивать своих бывших товарищей? Причина?

– Если бы я знал, то мы бы, наверное, уже искали его, а не сидели здесь, в отеле, – резонно ответил Вейдеманис.

Через полчаса они уже были у здания офиса компании Шалвы Чиладзе. На стоянке рядом со зданием выстроилось множество машин. Среди автомобилей был и внедорожник «Ниссан», на котором вчера они приехали в гости к Чиладзе. Рядом никого не было; очевидно, водитель сидел в здании офиса. Дронго взглянул на своего напарника и покачал головой.

– У него своя охрана, – пробормотал он. – Какой идиотизм! Машину можно взорвать самым примитивным способом.

– Он считает, что на охраняемой стоянке его машину не тронут, – неодобрительно сказал Вейдеманис.

– Очевидно, на этой стоянке есть и другие автомобили из их компании, – заметил Дронго.

Они прошли дальше. Вокруг здания тоже было припарковано много машин. У входа никого не было. Они вошли в здание. Молодой человек лениво взглянул на них.

– Куда идете? – спросил он по-грузински.

– К господину Чиладзе, – ответил Дронго по-русски.

– Идите, – разрешил охранник, даже не спросив их имена и не взглянув на их удостоверения, – четвертый этаж. Лифт справа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.